ШХ: Я считаю, что ты, должно быть, пишешь черновики гораздо лучше, чем я.СМ: Очень сомневаюсь.

ШХ: Правда? Они довольно плохие?СМ: Я так думаю. Мне приходится проходиться по ним снова и снова, потому что я не всегда достаточно конкретизирую их. Я пишу всё так быстро, что мне приходится возвращаться и добавлять детали. Я часто использую одни и те же слова, и я вынуждена сознательно возвращаться и исправлять подобные вещи. И я не всегда их понимаю. Мои первые черновики пугающие.

ШХ: Как ты делаешь переписывание? С Сумерками, ты отправила издателю рукопись сразу или сначала вернулась и начала вносить в неё поправки?СМ: Я, наверное, прочитала её, не знаю, раз пятьдесят или сто, прежде чем отправить кому бы то ни было.И я не могу прочитать ни одной страницы из того, что я написала, не сделав пять изменений — это мой средний показатель. Так что даже сейчас, когда Сумерки «завершены» — цитируются или не цитируются — ох, я бы с удовольствием внесла в них поправки. Теперь я могла бы сделать их лучше. И я с трудом перечитываю их. Потому что, если я прочитаю их на компьютере, мне захочется пойти и изменить какие-то вещи — и это сводит меня с ума, что я не могу этого сделать.

ШХ: Да. Я стараюсь не читать ничего из того, что уже опубликовала.СМ: Если я читаю их в форме книги, я обычно могу расслабиться и в некотором роде даже насладиться ими. Мне нравится переживать эти истории снова, потому что я вижу их так же, как в первый раз, когда увидела. Но парой трудно не быть похожей на, «Ох, я ненавижу подобное сейчас. Почему я поступила именно таким образом?» [Смеется]

ШХ: Наверное ад для писателей был бы таковым: Тебе постоянно приходится сталкиваться с рукописью, которую ты написала много лет назад, а изменить в ней тебе не разрешают.СМ: [Смеется] Ну, тогда это реальность каждого писателя, верно? [Смеется]

ШХ: Не знаю, чувствуешь ли ты тоже самое, но как только книга написана и уходит из моих рук, я больше не чувствую, что написала её. Я больше не чувствую, что могу претендовать на эту историю. Я чувствую, что теперь она принадлежит там, читателям.СМ: Я чувствую подобное к копии в твердом переплете на полке. Там существует диссоциация. Если я смотрю на неё на полке, а она кажется очень далекой, холодной и важной, я не чувствую, что это нечто, что принадлежит мне. Когда я её читаю, всё по-другому.

ШХ: Догадываюсь, что я не перечитывала свои книги. На самом деле я слушаю аудиокниги — по одному разу каждую книгу — и мне это нравится. Люди, которые озвучивали мои аудиокниги — это полный состав, так что это похоже на пьесу, почти.СМ: О, это так классно.

ШХ: Они говорят вещи по-другому, чем я бы сказала, но вместо того, чтобы реагировать невменяемо из-за этого, мне это вообще-то нравится. Потому что я будто слышу новую

историю, и слышу её впервые.СМ: Видишь ли, я не могу так сильно игнорировать свои ошибки, когда слышу их на аудио. Я пыталась слушать свои книги на аудио, и поняла, что я не могу этого сделать. Потому что я слышу неловкость во фразе, когда она произноситься вслух, и я просто думаю: О боже! Я не должна была формулировать предложение таким образом. И будут другие вещи, где я слышу ошибки намного громче, чем когда я читаю их и в некотором роде пропускаю их мимо глаз.

ШХ: А теперь, к тому времени, когда ты закончила Сумерки, ты подумала, это книга — а затем начала вносить в неё поправки. Ты исправляла только для того, чтобы, как ты сказала, заново пережить эту историю? Или у тебя была какая-то цель?СМ: Пожалуй, пока я писала, я исправляла, так сказать, по ходу действия. Я начинала, возвращалась и перечитывала то, что написала до этого момента, прежде чем начать писать дальше. А некоторые дни я проводила целый день, просто внося изменения и добавляя детали к тому, что уже написала. Это была одна из моих любимых частей — читать её. Знаешь, это меня удивило…. Но в таком случае это книга, которая идеально подходит для тебя, потому что ты написала её для себя, так что она воплощает в себе всё, чего ты хочешь, чтобы она в себе воплощала.И когда я вставила в неё «золотой шип», я посмотрела на неё и почувствовала... своего рода потрясение от того, что закончила её. А затем я подумал, что, может, есть причина, по которой я всё это сделала, что мне нужно двигаться с ней дальше. Может, была какая-то более великая цель, и мне нужно сделать что-нибудь с этой книгой. Потому что это было такая странная вещь для меня — написать книгу за лето; это было так странно для меня — ощущать необходимость написать её.Единственная особа, которая знала, чем я занимаюсь, была моя старшая сестра Эмили. Но моя сестра такая: Всё замечательно! Всё идеально! Ты не должна менять ни единого слова! [ШХ. смеется] Она такая поддерживающая; я знала, что это не большой риск, позволить ей увидеть книгу. Так что получилась эдакая комбинация из моих мыслей, я закончила её! и слов Эмили, Что ж, ты должна попытаться опубликовать её. Ты должна это сделать. Не знаю даже, сколько раз мы обговаривали, когда она говорила: «Стефани, ты уже что-нибудь отправила?»Так что я перепроверяла уже с определенной целью. И я вносила поправки с чувством полного смущения: О боже мой. Если кто-нибудь когда-нибудь это увидит, я буду так унижена. Я не могу этого сделать. А потом Эмили снова звонила, и снова у меня возникало такое чувство: Может, я всё-таки должна. Потом я начала проводить все исследования, знаешь… как искать агента. Я не знала, что у писателей есть агенты. Я думала, только у спортсменов и кинозвёзд они есть.Так что это было пугающе и отталкивающе: Мне нужен агент? Звучит сложно. Затем мне пришлось узнать, как писать литературные запросы. И резюмировать свою историю десятью предложениями было для меня самым болезненным.

ШХ: Ужасно.СМ: Это не очень хорошо получалось. [Смеется] А ещё было довольно болезненно публиковать подобные письма, в котором говорилось: «Привет, вот кто я; вот что я написала; вот о чём оно. У меня нет абсолютно никакого опыта или какой-либо причины, по которой я считаю, что Вам стоит рассмотреть это, ибо кто я такая? Премного благодарна, Стефани Майер. [Смеется] Это было сложно.А отправлять рукописи — я не хочу об этом часто вспоминать. Потому что ты знаешь, как заглушается неприятные вещи — например, роды и тому подобное? Это было настолько сложно сделать. В районе, где я жила в то время, невозможно было положить письмо в свой ящик для почты — дети бы его стащили, так что мне пришлось ехать и положить его в настоящий почтовый ящик. И по сей день я не могу даже пройти мимо того угла, не пережив тошнотворный ужас, который бушевал у меня в животе, когда я отправляла эти запросы.

ШХ: Ничего себе.СМ: Видишь ли, я не посещала семинары творческого письма, как ты. Я не посещала семинары, потому что знала, что кто-то прочтёт то, что я напишу. Я не беспокоилась из-за процесса написания — я беспокоилась, что оно позволяла кому-то другому прочитать написанное. Всю мою жизнь подобное было огромным ужасом: иметь кого-то, кто знает, что твориться у меня в голове.

ШХ: И как ты сейчас? Потому что, очевидно, миллионы людей уже прочитали то, что ты написала. Тебе по-прежнему это пугает, каждый раз когда ты выпускаешь книгу?СМ: Аха… и на то есть веская причина. Потому что мир изменился — и восприятие на книг, теперь другое. Люди очень красноречивы. Да и мозолей на моей творческой душе не так много — каждый удар ощущается как первый. Я не научилась относиться к этому легкомысленно или позволять этому пройти мимо меня. Я знаю, что это то, чему мне нужно научиться, прежде чем я сойду с ума, но это не то, что я доведу до совершенства. Так что это сложно, даже когда ты знаешь, что удар произойдёт. Ты не знаешь, откуда он будет исходить — многие из них являются ударами ниже пояса.

В каждой книге я всегда вижу ту часть, из-за которой, как мне кажется, люди будут злиться, или ту часть, над которой будут насмехаться. Что касается Сумерек, я подумала: О боже. Люди просто разорвут меня за подобное — если кто-нибудь вообще прочтёт мою книгу. Чего они не сделают, потому что они прочитают обратную сторону обложки и скажут: Книга о вампирах? О, да ладно — такое уже было написано. Так что я знала, что это произойдёт.Но всегда были вещи, которых я не ожидала, которые людям не понравятся. Я имею в виду, что со всеми книгами, которые ты публикуешь, ты просто должна знать: найдутся люди, которым она правда понравится, и это будет ощущаться действительно хорошо. Но найдутся люди, которым правда не понравятся вещи, которые очень личные для меня, и мне просто придется это принять.

ШХ: Но это так страшно. Я не знаю, как у тебя хватает смелости делать это каждый раз. Моя книга, которая, как я думала, будет моей самой простой и самой счастливой книгой, просто милой маленькой забавной книгой, которая понравится людям — это была та, которая получила наибольший удар. Как ты сказала, это были вещи, которые я никогда не могла предвидеть, что людям не понравится.

Оглядываясь назад, я считаю, что если бы у меня был шанс, я бы убрала эти части или изменила те вещи, которые люди ненавидели. Но в то время я этого не знала. И вот теперь, когда я пишу очередную книгу, я знаю, что появиться вещи, которые люди будут ненавидеть. Но я не знаю, какие именно.[СМ смеется] Если бы я только знала, какие именно, у меня было бы сильное искушение изменить их, чтобы попытаться угодить всем! Я делаю всё, что в моих силах, но ты никогда не сможешь предугадать, на что люди могут среагировать.СМ: Видишь ли, у меня совсем другая реакция на подобное, потому что я не могу ничего изменить — оно есть так, как оно есть. Я имею в виду, что есть вещи, которые я могу сделать при редактировании — и я могу отполировать текст. Я знаю, что всегда смогу сделать его лучше. И я знаю, что даже в окончательной форме, если бы у меня было еще три месяца, чтобы поработать над книгой, я бы никогда не перестала полировать, потому что я всегда могу сделать каждое слово ещё более весомым.Но я просто не могу изменить то, что происходит, потому что оно именно так, как есть. Такова история: это люди, диктуют, что с ними происходит. Я имею в виду, что есть внешние силы, которые могут вмешаться, но то, как персонажи отреагируют на них, в конечном итоге определяет, где они окажутся. Как только ты узнаешь, кто они такие, нет никакого способа изменить их будущее — оно такое, какое естьТак

что моя реакция, когда критика действительно плохая и действительно жесткая, такова: Хотелось бы мне, чтобы я смогла сохранить эту историю у себя на компьютере. Я должна была просто держаться за эту работу, и оставить её только для себя одной.Потому что иногда я задаюсь вопросом: стоило ли делиться этим? Но тогда ты чувствуешь, что подобным не оказываешь своим персонажам услугу — они заслуживают того, чтобы жить более полноценно, в чьём-то сознании.Да, я знаю, что звучит безумно! [Смеется]

ШХ: Нет, я полностью, полностью понимаю это. Я помню, как писатели говорили о том, что их персонажи почти оживают и обладают почти собственной волей. И я думала, что они вроде полны чуши [СМ смеется], но в этом что-то есть. Хотя я считаю, что это баланс. Есть идея этих персонажей, живущих в моей голове, и есть я, автор. И у меня есть некоторая власть контролировать историю и пытаться сделать её сильной историей — но, с другой стороны, персонажи также имеют некоторую власть сказать «нет».СМ: Аха.

ШХ: Для меня писать — это нахождение баланса между такого рода трансцендентальной историей и моей собственной властью писать — не позволять себе переписывать их слишком сильно и не позволять им захлестнуть меня.СМ: Аха. Видишь ли, я нахожу это сложным — потому что для меня ты создаешь характер, определяешь персонаж и делаешь его тем, кто он есть. И ты приводишь их в форму, в которой они являются окончательными. Их история не окончена, но они такие, какие они есть, и они действительно чувствуются очень реальными. Ты не можешь изменить, то кем они являются, чтобы историю шла проще.

Так что иногда в истории случаются вещи, потому что мой персонаж, будучи тем, кем он является, не мог поступить иначе. Я написала его настолько сильно в того, кто он есть, что теперь не могу изменить его образ действий, не чувствуя такое: Что ж, это не в его характере — это не то, что он сделал бы. Сейчас есть только один курс. И иногда бывает сложно, когда курс проходит таким путем, что его трудно написать.

http://tl.rulate.ru/book/52023/1466290